

ного строя (ср. также понятие «актуальной» или «архаической» эргативности, ранее сформулированное в работах С. Д. Кацнельсона)³. С другой стороны, он совпадает в своих принципиальных чертах со схемой активного строя, как последний реализуется в его современных представителях — например, в американских языках на-дене, сиу, галф, тупи-гуарани, по-видимому, ирокуа-каддо и др. Кажется поэтому вполне закономерным, что попытка воссоздания облика древнейшего протоиндоевропейского привела еще К. Уленбека к апелляции к структурному типу таких активных языков как дакота и хайда⁴. По-видимому, существует немало и других оснований для того, чтобы сказать, перефразировав известные слова К. Маркса, что и в языковом отношении за древним греком явственно проглядывает ирокез⁵.

Определяющие структурные характеристики языков активной типологии мотивируются аналогичной семантической детерминантой противопоставляющей активное и инактивное начало, за которой, как можно догадываться, стоит некоторая модель мира, построенная носителями этих языков на определенном этапе общественного развития (ее логическое основание — наличие или отсутствие у соответствующих денотатов жизненной активности).

Основные принципы организации лексики сводимы здесь к трем следующим пунктам: 1) оппозиция активного («одушевленного», «живого») и инактивного («неодушевленного», «неживого») классов имен существительных (к первому относятся обозначения людей, животных, деревьев и растений, ко второму — названия всего остального), 2) лексикализация глагольных слов по признаку активности («одушевленности») или инактивности («неодушевленности») передаваемого действия на активные и стативные, 3) обусловленные названной семантической детерминантой лексические особенности более частного порядка (ср., например, отсутствие глаголов, выражающих типичные субъектно-объектные отношения, корреляцию инклюзива и эксклюзива в прономинальной системе и т. п.). На синтаксическом уровне в этих языках профилирует противопоставление активной и инактивной конструкций предложения, которые задаются соответствующим лексическим качеством глагольного сказуемого, всецело доминирующего в предложении. Позицию подлежащего в активной конструкции могут занимать только имена активного класса, в то время как имена инактивного в лучшем случае в ней играют роль орудного дополнения. В функции подлежащего инактивной конструкции предложения способны выступать все имена. В связи с тем принципом лексикализации глаголов, который существует в этих языках, здесь неизвестна дифференциация прямого и косвенного дополнений. Наиболее характерными чертами морфологии языков активного строя являются: а) развитость глагольной морфологии, особенно — парадигматики активного глагола при бедности именной (ср., в частности, обычную неразвитость падежной системы, ущербность категории числа, более характерной для имен активного класса), б) противопоставление активного и инактивного падежей в имени или равнозначная ему функционально оппозиция активного и инактивного рядов личных аффиксов в глаголе, в) неизвестность морфологической категории залога (возможна, однако, корреляция так называемых центробежной и центростремительной форм активного глагола), г) развитость аспектуальных (в смысле характеристики способов

³ См. Lyons J. Introduction to theoretical linguistics. Cambridge, 1971, стр. 356—357; С. Д. Кацнельсон. Эргативная конструкция и эргативное предложение. — «Изв. АН СССР. Отд. лит. и языка», 1947, № 1.

⁴ См. Уленбек Х. К. К учению о падежах. — В кн.: Эргативная конструкция предложения. М., 1950, стр. 99—100.

⁵ Ср. Маркс К. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». — Архив Маркса и Энгельса, т. IX, стр. 134.